

УДК 811.161.1'367.625
ББК 81.411.2-212

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА ¹

О.Ю. Улогова

Предпринята попытка реконструкции фреймовой структуры глагольной лексики в рамках проведения семантического анализа. Определена структура исследуемого фрейма и рассмотрена более подробно на примере глагола *верить* и его производных.

Ключевые слова: когнитология, глагол, семантика, фрейм, фреймовый анализ, фреймовая структура, межличностные отношения.

В настоящий период развития гуманитарных наук в качестве одной из основных единиц, используемых для описания структур сознания, выступает концепт (определение концепта, подходы к исследованию концептов см.: [1; 4]). «В современной лингвистике, – как отмечает В.И. Карасик, – предметно-образная сторона концепта моделируется в виде фрейма... Фрейм как понятие заимствован из когнитивной семантики для обозначения того, как человеческие представления хранятся и функционируют в памяти» [5, с. 152]. Представим краткую характеристику понятия «фрейм», которое используется в нашем исследовании.

Одним из первых направление фреймовой семантики начал разрабатывать Ч. Филлмор, в работах которого термин «фрейм» постепенно расширялся от чисто лингвистического толкования до когнитивного [18]. Под термином «фрейм» Ч. Филлмор в самом общем виде понимает структуру знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации. Фрейм объясняется как декларативный способ представления знаний, формулируемых в терминах описания [15, с. 52]. Фрейм может быть использован в качестве общего термина для некоторых групп слов, которые мотивируются, определяются и взаимно характеризуются особыми унифицированными кон-

струкциями знания или связанными стереотипизациями опыта [15, с. 52].

Как указывает Н.В. Колесник, с точки зрения Ч. Филлмора, слово представляет собой определенную категоризацию опыта, и в основе каждой категории, выраженной словом, лежит мотивирующая ситуация (мотивирующий, фоновый контекст), которая возникает на фоне наших знаний и опыта [7, с. 58]. Исследования в области фреймовой семантики могут быть представлены как попытка выяснить, учитывая значение слова, по каким причинам то или иное языковое сообщество создало категорию, представленную данным словом, и объяснить значение этого слова путем выявления и объяснения этих причин. Таким образом, используя термин «фрейм» для обозначения «сцены», представленной и запоминаемой нами в структурированном виде, Ч. Филлмор делает вывод, что фрейм структурирует значение слова, а слово, в свою очередь, активизирует фрейм. Так, вышеупомянутые структуры служат своего рода мотивами для категорий, которыми оперирует говорящий, описывая те или иные ситуации, причем ситуации могут рассматриваться сами по себе, вне контекста употребления. Активизация фрейма, считает Ч. Филлмор, осуществляется, когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста [15, с. 60]. Иными словами, фрейм видится как система

понятий, которые соотносятся таким образом, что для понимания одного из них необходимо осознать всю структуру, компонентом которой это понятие является. Когда один из элементов подобной структуры вводится в текст или разговор, все остальные составляющие автоматически активируются.

Отметим, что слово «фрейм» используется Ч. Филлмором как общий термин для системы понятий, обозначающих различные знания о мире, помимо данного термина употребляются также термины «схема», «сценарий», «скрипт», «терм», «глобальная модель», «когнитивная модель» и т. д. [14, с. 121–122]. Фрейм представляет собой систему категорий, структурируемых в соответствии с мотивирующим контекстом. Существуют отдельные слова-фреймы, которые обеспечивают участникам процесса коммуникации доступ к фреймам и одновременно служат для осуществления категоризации.

Фрейм в переводе с английского языка означает «каркас, рамка, строение, структура». В научной литературе на сегодняшний день представлены различные определения фрейма, однако большинство исследователей склонны считать, что фреймы представляют собой связанные конструкции, в виде которых в памяти человека хранятся знания об окружающем мире [6, с. 65]. Некоторые авторы ассоциируют фрейм с концептом [12, с. 7], однако, как представляется, это не одно и то же, поскольку фрейм выступает лишь частью концепта, моделирует одну из его сторон. Другие исследователи подчеркивают возможность построения модели: фрейм представляет собой «модель культурно обусловленного, канонизированного знания» [3, с. 33]. Мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем под фреймом модель «для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей» [5, с. 152]. Важным для нашего исследования является положение В.И. Карасика о динамике фрейма: «Фрейм акцентирует подход к изучению хранимой информации, выделяет части, то есть структурирует информацию, конкретизируя ее по мере разворачивания фрейма» [там же, с. 152–153].

Очевидным в работах исследователей выступает факт сложности структуры фрейма, в которой выделяют, в частности, такие

единицы, как ситуации и эпизоды. Фрейм рассматривается как объемная структура, включающая в себя субфреймы; помимо субфреймов, в структуру фрейма входит множество терминалов, к которым присоединяются другие фреймы [11, с. 293]. М. Минский полагает, что фрейм может рассматриваться как матрица слотов, актуализирующих аспекты фрагмента действительности, содержащая оценку того фрагмента картины мира, который репрезентируется данным фреймом [17, с. 360–364]. В основе теории, представленной в работах этого автора, лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов, каждый из которых связан с конкретным концептуальным объемом памяти и информацией, получаемой из мира действительности. Исходя из этого дается следующее развернутое определение понятия «фрейм»: 1) статическая, информационная структура данных, предназначенная для репрезентации стереотипной ситуации; 2) когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типичных ситуациях и связанных с этим знанием ожиданий по поводу типично связанных друг с другом элементарных объектов; 3) декларативный способ представления знаний, формулируемых в терминах описаний [10, с. 7]. Содержание фрейма представляет совокупность вершинных и терминальных компонентов. «Верхние уровни» фрейма четко определены, так как образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к стереотипной ситуации. На «низких уровнях» имеются терминалы, которые необходимо заполнить характерными примерами или данными [там же].

Другие ученые предлагают следующие определения субфреймов и слотов: субфреймы – иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов [8, с. 7]; слоты – «элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, аспект его конкретизации» [16, с. 65].

В работах А.Н. Баранова предлагается развернутое определение фрейма – фрейм является концептуальной структурой с целью декларативного представления знаний о типизированной ситуации, а кроме того, выделяет

также в его структуре слоты, связанные определенными семантическими отношениями [2, с. 16].

В нашем исследовании фрейм рассматривается как структура, включающая в себя субфреймы, слоты и терминалы, расположенные в определенной иерархии.

Ввиду того что мы исходим из понимания фрейма как динамической структуры, в центре нашего внимания находятся глагольные единицы, поскольку глагол, как самая емкая по своему содержанию часть речи, способен раскрывать разнообразные проявления деятельности, состояний, отношений человека. Категория отношения включает в себе представления и знания человека об организации процессуально-событийного мира, что делает данную категорию одной из базовых философских категорий, отражающих наиболее существенные и закономерные связи реальной действительности и познания.

Лексемы, представляющие категорию отношения, описывают отношения между людьми, возникающие на основе различных чувств, определяющих человеческую природу: любви, дружбы, веры и др. В связи с этим считаем обоснованным представить категорию отношения в виде системы субкатегорий: субкатегория любви, субкатегория дружбы, субкатегория веры и др. Каждый из выделенных аспектов отношений в рамках одной категории описывается с точки зрения различных параметров, находящихся отражение в семантической структуре глаголов, представляющих данный аспект. «Семантика глагольного слова не элементарна, а комплексна в том смысле, что отражает не законченное, полное понятие о классе предметов, как это имеет место в предметных именах, а минимальные дискретные “кусочки действительности”, приближающиеся к элементарным ситуациям» [13, с. 237–238]. Подобное указание на «элементарные ситуации», заключенные в семантике глагольных лексем, для нас особенно ценно с точки зрения фреймового анализа, поскольку под фреймом в самом общем виде понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации.

При построении фрейма «межличностные отношения» мы опираемся на динамическую структуру фрейма, предложенную М.В. Мило-

вановой [9]. Выстраиваемый нами фрейм включает в себя два ключевых субфрейма: «позитивно окрашенные отношения» и «негативно окрашенные отношения», представляющие собой на основании характера отношений оппозицию.

В статье мы обратились к описанию субфрейма «позитивно окрашенные отношения», в рамках которого выделяем слоты «любовь», «религиозная вера», «обыденная вера», «уважение» и «симпатия». Обратим внимание на необходимость представления репрезентации субкатегории веры в двух слотах, имеющих разветвленную структуру и важных для понимания организации определенной части ментального пространства отдельно взятой нации. Остановимся на рассмотрении именно этих двух слотов: «религиозная вера» и «обыденная вера».

Внутри данных слотов последовательно выделяются терминалы, «наполняемые» соответствующими способами репрезентации данных отношений в рамках субкатегории веры: слот «обыденная вера» включает в себя терминалы «полное доверие», «неполное доверие», «отсутствие доверия»; слот «религиозная вера» включает в себя терминал «сверхобыденная, духовно осязаемая вера».

Остановимся более подробно на слоте «обыденная вера». В состав глаголов, репрезентирующих данный слот, входит глагол *верить* и его производные – *доверить*, *доверять*, *уверить*, *уверять*, *поверить*, *поверить*. Базовым глаголом является глагол *верить*. Каждый из приведенных глаголов входит в каждый из указанных терминалов слота, актуализируя при этом только определенный, ограниченный конкретной ситуацией набор признаков, характеризующих терминал. Отметим, что для терминалов «полное доверие» и «неполное доверие» важным смысло-различительным признаком является темпоральный параметр: ситуация полного доверия характеризуется большей продолжительностью во времени, статичностью отношения (условно), временной неограниченностью; ситуация неполного доверия – непостоянством проявления отношения: либо повторяющееся прерывистое, либо единовременное отношение, зависящая от определенного действия, события временная ограниченность.

Приведем несколько примеров. *Нет-с, сама всему **верит**, собственными воображениями сама себя тешит, ей-богу-с!* (Достоевский. Преступление и наказание); *Что же касается Петра Петровича, то я всегда была в нем **уверена**, – продолжала Катерина Ивановна Раскольникову, – и уж, конечно, он не похож... – резко и громко и с чрезвычайно строгим видом обратилась она к Амалии Ивановне, отчего та даже оробела, – не похож на тех ваших расфуфыренных шлепохвостниц, которых у папеньки в кухарки на кухню не взяли бы, а покойник муж, уж конечно, им честь сделал, принимая их, и то разве только по неистощимой своей доброте* (Достоевский. Преступление и наказание); *И сказала дружески, что она совершенно во мне **уверена** и все...* (Достоевский. Преступление и наказание) – во всех случаях анализ ситуации показывает, что отмеченные глаголы тяготеют больше к реализации указанных выше темпоральных параметров, характеризующих полное доверие: продолжительности, постоянства, неопределенности, контекстуальные уточнители *всему, всегда, совершенно* также свидетельствуют о постоянном характере проявляемого отношения.

Иные темпоральные параметры актуализированы в следующих контекстах: *Позвали Чебарова, десять целковых ему в зубы, а бумагу назад, и вот честь имею ее вам представить, – на слово вам теперь **верят**, – вот, возьмите, и надорвана мною как следует* (Достоевский. Преступление и наказание); *Право, **верить** готов в иную минуту, что вся эта жизнь не возбуждения чувства, не мираж, не обман воображения, а что это и впрямь действительное, настоящее, *сущее!* (Достоевский. Белые ночи); *Поймали воробушка. Стало быть, **верили** же прежде, когда теперь «больше, чем когда-нибудь, **не верите**»?* (Достоевский. Преступление и наказание) – каждый из приведенных случаев отражает непродолжительность, временный характер действия-отношения, в ряде случаев есть определенный дополнительный контекстуальный уточнитель, выраженный лексемами *теперь, в иную минуту, прежде, больше, чем когда-нибудь*.*

Следующий выделенный нами терминал – «отсутствие доверия». Отнесение этого терминала к субфрейму «позитивно окрашенные отношения» является в определенной степени условным, но необходимым, поскольку в некоторых контекстах глаголы межличностных отношений с позитивной окраской тяготеют к реализации семы 'низкая интенсивность отношений'. Смысловое наполнение терминала заключается в описании обыденной ситуации, сведенной к самым прозаическим вещам, в отличие от ситуаций, в которых речь идет о вопросах религиозного характера или близкого к нему, например, о нравственных вопросах, когда отсутствие веры или слишком слабая вера канонически неприемлемы (если мы говорим о вере в Бога).

Приведем примеры: *Он не мог **поверить** тому, что то, что доставляло такое большое и хорошее удовольствие ему, а главное ей, могло быть дурно. Еще меньше он мог бы **поверить** тому, что он должен жениться* (Толстой. Анна Каренина) – в данном случае речь идет об измене жены своему законному мужу; *Я не верю, не верю, не могу **верить** этому!* – *сжимая пред собой свои костлявые руки, с энергичным жестом проговорила Долли* (Толстой. Анна Каренина) – обсуждается вопрос развода супругов; *Окончательным своим решениям он продолжал всего менее **верить**, и когда пробил час, все вышло совсем не так, а как-то нечаянно, даже почти неожиданно* (Достоевский. Преступление и наказание) – о замысле преступления. Каждый из приведенных примеров иллюстрирует тот факт, что речь идет о предмете будничном, не в смысле постоянства, а в смысле прозаичности; будничный выступает как антоним возвышенного, что важно для нас в плане различения наполняемости выделенных терминалов в рамках слота «обыденная вера». Кроме того, наличие контекстуальных уточнителей *менее, меньше* также свидетельствуют об отношении, сведенном почти к нулю, минимизированном отношении.

Что касается терминала «сверхобыденная, духовно осязаемая вера», выделенного в рамках слота «религиозная вера», то его смысловое содержание заполняется ситуациями, в которых предметом отношения становятся вещи, события религиозного характе-

ра, а именно вера в Бога и все, что с этим связано. Для русской культуры, менталитета невозможен иной вариант, кроме абсолютной, безоговорочной веры в высшие силы, в их справедливость, в существование Бога, святых. Рассмотрим один из наиболее ярких примеров: *Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни* (Нина) (Чехов. Чайка) – ситуация типична, «нести свой крест» означает «быть покорным своей судьбе, вершащейся на небесах, и лишь верой и смирением облегчать груз страданий»; героиня верует, и именно от этого «не так больно», и когда она думает о своем призвании, предназначении в жизни земной, она делает это сквозь призму своей веры, а потому говорит – «не боюсь жизни». Очевидно, что здесь невозможно высказать сомнение, или недоверие, сама ситуация показывает единственно верное отношение, а в языковом плане – единственно верную словоформу *верую*.

Оговорим важную деталь: поскольку источниками для отбора фактического материала в нашем исследовании являются тексты классической литературы XIX века, примеры, иллюстрирующие сомнение в вере или даже полное отсутствие веры, встретились в единичном количестве.

Итак, в рамках установленного фрейма «межличностные отношения», включающего субфрейм «позитивно окрашенные отношения», слоты «религиозная вера», «обыденная вера», являются значимыми для носителей русского языка. Опираясь на данные фактического материала, можно отметить, что в русской культуре содержание категории веры шире, чем просто проявление чувства доверия в разной степени, здесь актуализируется также представление о вере религиозной, которое может обнаруживаться в несакральных текстах – произведениях художественной литературы. Особое место в рамках слота «обыденная вера» занимает терминал «полное доверие», который репрезентируют глаголы, указывающие на постоянство проявления отношения и потому достаточно близкие по интенсивности этого проявления к глаголам, представляющим терминал «религиозная вера». Таким образом, категория межличностных отношений в рамках субкатегории веры может быть представлена как структура, репрезентирующая сложное отношение, характеризующееся в самом общем виде в двух аспектах – обыденном и возвышенном.

резентирующая сложное отношение, характеризующееся в самом общем виде в двух аспектах – обыденном и возвышенном.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 438 с.
2. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 358 с.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
4. Карасик, В. И. Институциональные концепты / В. И. Карасик // *Vita in lingua: К юбилею профессора С. Г. Воркачева* / отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 87–97.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебник / И. М. Кобозева. – М. : Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.
7. Колесник, Н. В. Фреймовая семантика Ч. Филлмора // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2002. – Вып. 22. – С. 58–65.
8. Кулаков, Ф. М. Приложение к русскому изданию / Ф. М. Кулаков // *Минский, М. Фреймы для представления знаний* : пер. с англ. / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – С. 5–27.
9. Милованова, М. В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении : монография / М. В. Милованова ; Волгогр. гос. ун-т ; науч. ред. В. И. Карасик. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2007. – 406 с.
10. Минский, М. Фреймы для представления знаний : пер. с англ. / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
11. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // *Новое в зарубежной лингвистике XX века*. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 289–305.

12. Попова, З. Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Мир человека и мир языка / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : ИБК «Графика», 2003. – С. 6–16. (Концептуальные исслед. ; вып. 2).

13. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: (принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 239 с.

14. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 12. – С. 74–122.

15. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике XX века. – М., 1988. – Вып. 22. – С. 52–93.

16. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: (общие проблемы, метафора) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гуманит. ин-т, 2003. – 193 с.

17. Minsky, M. Frame-system theory / M. Minsky // Thinking: Readings in cognitive science

/ Ph. N. Johnson-Laird, P. C. Wason (eds.). – Cambridge ; N. Y., 1977. – P. 355–376.

18. Fillmore, Ch. J. «The case for case» / Ch. J. Fillmore // Universal in linguistic theory. – N. Y., 1968. – P. 1–88.

ИСТОЧНИКИ

1. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание : роман / Ф. М. Достоевский. – М. : Дрофа, 2001. – 637, [2] ил., портр.

2. Достоевский, Ф. М. Белые ночи / Ф. М. Достоевский // Бедные люди : сборник. – М. : Изд-во АСТ, 2004. – С. 129–183.

3. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой // Собр. соч. В 8 т. Т. 5, 6. – М. : Лексика, 1996.

4. Чехов, А. П. Чайка / А. П. Чехов // Рассказы и пьесы. – М. : Сов. Россия, 1988. – С. 153–202.

SEMANTICS OF INTERPERSONAL RELATION VERBS WITHIN FRAME APPROACH

O. Yu. Ulogova

An attempt to reconstruct a frame structure of verbal lexis is undertaken within semantic analysis. The structure of the examined frame is defined and considered in terms of the verb “believe” and its derivatives.

Key words: *cognitology, verb, semantics, frame, frame analysis, frame structure, interpersonal relations.*